

Муслех Хусам А. Р.
Палестина

СТРАТЕГИЯ УБЕЖДЕНИЯ В РЕЧАХ ПАЛЕСТИНСКОГО ЛИДЕРА ЯСИРА АРАФАТА

АННОТАЦИЯ. В ситуации обострения международной обстановки и политической нестабильности знание этнокультурных особенностей политического дискурса, который представляет собой определенным образом направленное воздействие государства и его представителей на массового адресата, имеет особо важное значение, так как способствует пониманию намерений сторон политического диалога и принятию адекватных решений. Данная статья посвящена арабскому политическому дискурсу. Признавая тот факт, что арабский дискурс, равно как и арабский язык, неоднородны, мы ограничиваемся литературным арабским языком. Цель статьи — выявить специфику средств реализации стратегии убеждения в арабском политическом дискурсе. Материалом анализа послужили выступления палестинского лидера Ясира Арафата, который может быть отнесен к числу ярких арабских политиков современности. Обращение к выступлениям арабского политика обусловлено возрастанием роли публичного, в том числе устного, общения и связано с необходимостью анализа формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в конкретной политической коммуникации и политической ситуации. Основное внимание уделяется стилистическим средствам воздействия. Анализ существующих исследований арабского политического дискурса, а также собственные наблюдения позволяют предположить, что выявленные особенности речи Ясира Арафата характерны для арабского политического дискурса в целом, хотя для более объективных выводов необходимы дальнейшие исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: арабский язык; политический дискурс; стратегии убеждения; стилистические средства; мультимодальность; манипулятивное воздействие; политическая риторика; языковая личность; политические деятели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Муслех Хусам А. Р., аспирант, кафедра иностранных языков, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, Миклухо-Маклая, 10, к 2; e-mail: aroo7_lemeen@windowslive.com.

1. Введение

Политический дискурс (далее — ПД) в последнее время привлекает все большее внимание исследователей, что связано с характерным для периодов социально-политических перемен и потрясений ростом интереса общества к условиям и механизмам политической коммуникации. При этом объектами исследования российских и зарубежных ученых становятся как общие вопросы ПД — его организация, функционирование, жанровое своеобразие, стратегии и тактики, языковые средства и др. (см., напр.: [Волкова, Панченко 2016; Гаврилова 2002; Горностаева 2014, 2016; Стексова 2017; Чудинов 2003, 2006; Шейгал 2004; Chudinov 2015; El-Zawawy 2017; Solopova 2015; Ozyumenko, Larina 2017]), так и речевые портреты отдельных политиков [Алышева 2012; Иванова 2017; Ли Сыци 2017; Садуов 2012; Hall, Goldstein, Ingram 2016; Ryshina-Pankova, Quam 2016; Sowińska 2015 и др.].

Все чаще внимание исследователей привлекают этнокультурные особенности политического дискурса [Сафина, Чернова 2017; Базылев 2005; Anikin, Budaev, Chudinov 2015; Dubrovskaya, Sowińska 2018; Gornostaeva 2016; Lauerbach, Fetzer 2007; Murzaei 2017 и др.]. Этот интерес не случаен, поскольку в ситуации обострения международной обстановки и политической нестабильности выявление этнокультурных особенностей политического дискурса имеет особо важное значение, так как их знание способствует пониманию намерений сторон политического диалога и принятию адекватных политических решений. Арабский политический дискурс также становится популяр-

ной темой исследований [Lahlai 2011, 2012, 2014; Murzaei, Eslami, Safari 2017 и др.].

При изучении любого дискурса его языковая сторона рассматривается на фоне контекста. Поскольку в межкультурной коммуникации контекстом является культура, для выделения этнокультурных особенностей дискурса необходимо рассматривать основные характеристики культуры, среди которых — социокультурная организация общества и культурные ценности (см.: [Ларина 2009; Ларина, Озюменко 2016 и др.]).

В многоплановом процессе, которым представлены акты политической коммуникации, помимо информативной функции, реализуется воздействующая, так как основная задача политика — убедить адресата в правоте своей позиции и получить поддержку или желаемую реакцию. Таким образом, цель политического дискурса — не описание (не референция), а убеждение, т. е. пробуждение в адресате таких намерений, которые побудят его к правильному действию. Анализ речи политика позволяет выявить процесс трансляции идей и намерений, стратегии и тактики, используемые политиком для аргументирования идеи и убеждения аудитории.

Воздействие на аудиторию может оказываться как в открытой форме, через открытое убеждение, апеллирующее к логическому мышлению адресата (например, во время парламентских дебатов, дискуссий в СМИ), так и в скрытой, имплицитной, подтекстовой форме, оказывающей влияние на подсознание реципиента, т. е. в манипулятивной форме. Убеждение и манипуляция представляют собой близкие понятия, но полностью они не совпадают, так как при убежде-

нии за адресатом остается выбор: он может как принимать навязываемые ему идеи, так и отвергать их, совершать или не совершить действия, к которым его побуждают; когда осуществляется манипуляция, роль адресата в большей степени пассивна, часто он не может противостоять манипуляции и становится ее жертвой [Озюменко 2017: 205—206].

Как известно, в политическом дискурсе существует несколько стратегий убеждения и воздействия на аудиторию для достижения поставленной политиком цели.

Аргументативная стратегия — убеждение адресата при помощи аргументов. Для реализации данной стратегии, как отмечает О. Н. Паршина [Паршина 2007], существует несколько тактик: тактика контрастивного анализа (сопоставление фактов, событий, результатов); тактика указания на перспективу (прогнозирование политиками развития событий, выражение стратегических целей, позиций и намерений говорящего); тактика иллюстрирования (проявляется в использовании фактов и примеров); тактика обоснованных оценок (суждения, при помощи которых оратор стремится объективно оценить предмет и обосновать свою оценку). Аргументативные тактики опираются на разумные доводы, обращенные к ценностям адресата. Доводы могут быть как рационального, так и эмоционального характера [Паршина 2005: 180]. Как справедливо отмечает И. А. Стернин, в убеждении используется и логика, и — обязательно — эмоция, эмоциональное давление [Стернин 2001: 49].

Агитационная стратегия имеет своей задачей воздействие на поступки слушателей для побуждения совершить определенные действия [Паршина 2005: 180]. Она также включает определенные тактики, среди которых — тактика призыва, тактика обещания.

В данной статье методом дискурсивного анализа мы проанализируем стратегию убеждения в речах палестинского лидера Ясира Арафата, с которыми он выступал в разных странах с целью превратить негосударственную борьбу палестинцев в легитимную форму политической борьбы. Мы попытаемся выделить наиболее частотные стратегии и тактики убеждения, а также языковые средства, используемые для их реализации, и определить основные черты стиля коммуникации палестинского лидера. Особое внимание уделяется речи Ясира Арафата на Генассамблее ООН в 1974 г. Считаем, что во многом именно благодаря ораторскому мастерству ему удалось достичь поставленной цели — возглавить Ор-

ганизацию освобождения Палестины (далее — ООП), которая впоследствии была принята в ООН в качестве наблюдателя, после чего самого Арафата принимали во многих странах как главу иностранного государства.

2. Арабский политический дискурс

Важную роль в арабском ПД играет выбор говорящего между литературным арабским языком, который является продолжением классического «языка Корана», и диалектом. Сравнивая структуру и содержание речей президента Туниса Зин эль-Абидин Бен Али и президента Египта Хосни Мубарака и выявляя речевые стратегии обоих президентов, специалист в области арабского медиадискурса М. Лахлали отмечает, что Хосни Мубарак всегда использовал литературный арабский язык, в то время как Бен Али чаще использовал диалект [Lahlali 2011]. Как полагает ученый, данный выбор свидетельствует о разных намерениях ораторов. Использование литературного арабского языка Хосни Мубараком говорит, во-первых, о его желании подчеркнуть высокий уровень образованности, а также статус лидера государства, а во-вторых, о том, что он ориентировался на образованный класс населения, который совершил революцию. Использование диалекта президентом Туниса Бен Али указывает на то, что он, напротив, ориентировался на самые широкие слои населения, в том числе и менее образованные, которые испытывали трудности в понимании литературного языка, кроме того, это был способ сокращения социальной пропасти между властью и населением [Lahlali 2011]. Данный пример наглядно демонстрирует важность такой характеристики арабского ПД, как выбор между диалектом и литературным арабским языком. Этот выбор определяет весь стиль коммуникации и заслуживает специального анализа.

При дискурсивном исследовании, как отмечают специалисты, внимание должно быть уделено используемым в текстах цитатам, которые демонстрируют, чья позиция для автора более значима и достойна воспроизведения [Шевченко 2002: 191]. Использование цитат, крылатых выражений — характерная черта арабского ПД. Поскольку в арабских странах преобладает мусульманская культура, распространенным является цитирование аятов Корана, Сунны и хадисов. Цитирование применяется автором, чтобы аргументировать свою позицию по тому или иному вопросу, эмоционально воздействовать на слушателя и, отсылая к определенным событиям, провести параллели с современностью либо указать на кон-

траст.

В числе других особенностей арабского дискурса, указывающих на связь носителей языка с мусульманской культурой, их приверженность к религии, выделяется частое использование политическими деятелями выражений, в которых фигурирует понятие «Бог». Так, например, по наблюдениям М. Лалали, лидер организации «Хезболла» Хасан Насралла во многом строил свою стратегию убеждения, ссылаясь на Коран, подчеркивая свою убежденность в том, что «божественная победа» неизбежна, и пытаясь пробудить у слушателя надежду и патриотизм [Lahlali 2014]. В 2006 г., в период конфликта между Ливаном и Израилем, Хасан Насралла использовал следующее выражение:

(1) *Победа не может быть достигнута без помощи Бога, поддержки Бога и его содействия.*

...الا بنصر من الله وعون من الله وتأييد من الله...

Следует отметить, что ПД демонстрирует особенности национального дискурса, частью которого является. В этой связи интересны наблюдения известного российского арабиста В. Э. Шагала [Шагаль 2001], который отмечал, что для арабского стиля коммуникации характерны экспрессивность и эмоциональность, что часто ставит иностранцев в замешательство и вызывает дискомфорт. Для арабов важнее не то, ЧТО говорится, а КАК это говорится, т. е. в первую очередь важна форма, а не содержание. Они любят много рассуждать, разглагольствовать, часто повторяют ранее высказанные мысли, возбудившись, порой начинают даже кричать, активно используют жестикуляцию, сложные риторические приемы, насыщают свою речь заклинаниями, клятвами, очень любят прибегать к преувеличениям, к тому же, что сказано ровным, спокойным тоном, они относятся с удивлением и недоверием [Шагаль 2001: 253—254]. Отмеченные черты арабского стиля коммуникации — экспрессивность, эмоциональность, лексические повторы, мультимодальность — характерны и для арабского ПД. Это будет показано при анализе выступлений Ясира Арафата.

3. Анализ выступлений палестинского лидера Ясира Арафата

Проведенный анализ выступлений Ясира Арафата показал, что он часто прибегает к использованию цитат из Корана. Примером может служить отрывок из речи в г. Тулькарм, Палестина, произнесенной 31 декабря 1995 г. после подписания временного соглашения между Палестиной и Израилем по берегу Иордана и сектору Газа, которое по-

лучило неформальное название «Осло-2». Главной целью соглашения было расширение палестинского самоуправления на Западном берегу реки Иордан путем создания избранного органа власти автономии. Это должно было позволить палестинцам самостоятельно вести свои внутренние дела, свести к минимуму трения между израильянами и палестинцами и начать новый этап мирного сосуществования и сотрудничества, опирающегося на общие интересы и взаимное уважение. В своем выступлении Ясир Арафат сказал:

(2) *«Мы даровали тебе явную победу»* (Коран, сура 48:1, перевод И. Ю. Крачковского [Крачковский 2015: 351]) (выступление Ясира Арафата в г. Тулькарм, Палестина, 31.12.1995).

إِنَّا فَتَحْنَا لَكَ فَتْحًا مُبِينًا (سورة الفتح: 01)

Данная фраза взята из 48 аята суры «Победа». В соответствии с исламской традицией, это откровение было ниспослано в то время, когда курайшиты не дали возможности посланнику Аллаха совершить умру, т. е. малое паломничество в Мекку, и он решил заключить с ними мирный договор, по которому обе стороны согласились не воевать друг против друга в течение десяти лет, а посланник Аллаха согласился перенести паломничество на будущий год. Подписание этого договора ознаменовало легализацию мусульман как равноправной с курайшитами стороны и дало возможность мусульманам тесно общаться с мекканцами. Мекканцы, в свою очередь, получили возможность безопасно торговать с Сирией. Используя данный отрывок аята, Арафат провел аналогию между условиями, в которых он находился, и условиями, в которых находился посланник Аллаха, а также поставил себя и свой народ на одну позицию с пророком и теми людьми, которые шли за ним.

11 марта 2004 г., выступая в Законодательном совете в Палестине, Ясир Арафат заканчивает свое выступление следующей цитатой из Корана:

(3) *Мы поможем Нашим посланникам и тем, которые уверовали, в здешней жизни и в тот день, когда предстанут свидетели* (Коран, сура 40:51, перевод И. Ю. Крачковского) (выступление Ясира Арафата в законодательном совете, Палестина, 11.03.2004).

إِنَّا لَنَنْصُرُ رُسُلَنَا وَالَّذِينَ آمَنُوا فِي الْحَيَاةِ الدُّنْيَا وَيَوْمَ يَقُومُ الْأَشْهَادُ (سورة غافر: 51)

Большое внимание нами было уделено речи Ясира Арафата на Генеральной Ассамблее ООН в 1974 г., где Арафат выступил по приглашению ООН как председатель ООП. Следует отметить, что текст выступления был написан великим палестинским

поэтом Махмудом Дарвишем, известным мастером слова, поэтому не случайно, что он является ярким образцом красноречия, содержащим различные стилистические приемы и средства. Речь Арафата длилась 90 минут и звучала на литературном арабском языке. В ней лидер ООП дает свое видение политического устройства мира, излагает свою позицию по актуальным проблемам современности.

Арафат начинает свою речь с обращения к председателю Генассамблеи, называя его «господин президент», тем самым показывает высокий уровень уважения. Однако важно отметить, что перевод данного словосочетания не передает полного значения оригинала, потому что арабский вариант الرئيس السيد (ي) содержит притяжательное местоимение мой в конце слова господин, таким образом, буквально обращение может быть переведено как мой господин. Несмотря на то что нормы литературного арабского языка позволяют говорить الرئيس السيد (ي), т. е. господин президент, Арафат решил использовать конструкцию с притяжательным местоимением — мой господин, применяя тактику сближения, приобщенности, а также подчеркивая верховенство ООН и свое подчинение ее руководителю. Следует также отметить, что это обращение используется многократно, т. е. наблюдается лексический повтор (в данном случае — анафора), что, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами. Во-первых, тем, что палестинский лидер хотел подчеркнуть уважение к ООН и тот факт, что он воспринимает ее как всемирную организацию, частью которой является его страна. Во-вторых, лексические повторы являются чертой арабского стиля коммуникации и особенностью арабского дискурса. Приведем примеры из выступления палестинского лидера на Генассамблее ООН 1974 г.:

(4) *Господин президент, Организация Объединенных Наций ...*

سيدي الرئيس، ما زال السباق على التسلح على أشده في العالم...

(5) *Господин президент, я благодарен Вам за приглашение...*

سيدي الرئيس، اشكر لكم دعوتكم ...

(6) *Господин президент, всемирная гонка вооружений не остановлена.*

سيدي الرئيس، إن منظمة الأمم المتحدة...

В проанализированных речах Арафата были использованы обе стратегии убеждения — аргументативная и агитационная — и большинство из вышеперечисленных тактик. Рассмотрим несколько фрагментов, иллюстрирующих некоторые из них.

Тактика контрастивного анализа — сопоставление событий и фактов, которое воспринимается как убедительный аргумент. Арафат в своей речи сопоставляет явления по темпоральному признаку, а именно события прошлого и настоящего. В понятие темпоральности входит ситуативно-речевое время, т. е. прошлым оказывается время событий, предшествующих сообщению. Палестинский лидер сравнивает, какой была Организация Объединенных Наций и какой она стала, подчеркивая, что теперь она отражает волю международного сообщества и в большей степени способна осуществлять принципы Декларации прав человека и поддерживать справедливость и мир:

(7) *Сегодня ООН уже не та, какой была вчера, потому, что сегодняшний мир отличается от вчерашнего. Сегодня Организация Объединенных Наций представляет 138 государств и довольно точно отражает волю международного сообщества. Она стала в большей степени способна осуществлять свои пакты и принципы Декларации прав человека. Она также стала в большей степени способна решать вопросы справедливости и мира.*

ذلك لأن عالم هيئة الأمم اليوم ليست هيئة الأمم أمس، فقد أصبحت هيئة الأمم اليوم. اليوم ليس هو عالم الأمم تمثل 138 دولة وأصبحت تعكس بصورة نسبية أوضح إرادة المجموعة الدولية، ومن ثم فقد أصبحت أكثر قدرة على تطبيق ميثاقها ومبادئ الإعلان العالمي لحقوق الإنسان، وأكثر قدرة على نصرته قضايا العدل والسلام

Тактика указания на перспективу направлена на то, чтобы выражать стратегические цели, позиции и намерения говорящего. Указание на перспективу включает предлагаемое решение и предполагаемый результат, который, как правило, рассматривается после того, как в тексте фиксируется предлагаемое решение. В своем выступлении Арафат подчеркивает, что мир стремится к свободе, справедливости, равенству и развитию:

(8) *Мир нуждается в максимальных усилиях для достижения его стремлений к миру, свободе, справедливости, равенству и развитию и для противостояния колониализму, империализму, неоколониализму и расизму в какой бы то ни было форме, в том числе сионистскому. Потому что это является единственным путем реализации надежд всех народов, в том числе народов тех правительств, которые отрицают данное решение. Это способ закрепления принципов Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека.*

إن العالم بحاجة إلى أقصى الجهود من أجل تحقيق مطامحه في السلم والحرية والعدل والمساواة والتنمية

وفي مكافحة الاستعمار والامبريالية والاستعمار الجديد والعنصرية بكافة أشكالها بما فيها الصهيونية لأن هذا هو الطريق الوحيد لتحقيق آمال الشعوب كافة بما في ذلك شعوب الدول التي تعارض هذا الطريق. أنه طريق لتكريس مبادئ ميثاق هيئة الأمم المتحدة والإعلان العالمي لحقوق الإنسان.

Как видим, помимо тактики указания на перспективу, здесь используется стилистический прием (антитеза): противопоставляются, с одной стороны, *свобода, справедливость, равенство и развитие*, с другой — *колониализм, империализм, неоколониализм и расизм*.

Указание на отрицательную перспективу также является важной тактикой аргументации, нацеленной на убеждение в принятии правильного решения:

(9) *Иначе дальнейшее сохранение текущего положения сделает не что иное, как превратит мир в выставку опаснейших вооруженных конфликтов, приведет к экономическим, гуманитарным и природным бедствиям* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 г.).

أما بقاء الوضع الحالي فلن يفعل أكثر من أن يبقي العالم معرضاً لأخطر الصراعات المسلحة، للكوارث والطبيعية الاقتصادية والإنسانية.

Таким образом, здесь тактика перспективы реализуется с помощью антитезы.

Тактика иллюстрирования — не менее важное риторическое средство убеждения. Она часто используется с целью воздействия на собеседника и проявляется в применении фактов и примеров, которые являются надежным аргументом, если они правильно подобраны и объективно отражают картину события. Ярким примером может служить следующий фрагмент, где Арафат призывает вспомнить Джорджа Вашингтона, который боролся за свободу и независимость Америки, Авраама Линкольна, который поддерживал угнетенных, и четырнадцать пунктов Вильсона (т. е. проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну), в которые верит и народ Палестины. Приводя данные факты из истории США, Арафат проводит аналогию между тем, что переживала Америка, и что сейчас переживает палестинский народ.

(10) *Пусть американский народ вспомнит о своем герое Джордже Вашингтоне, который боролся за свободу и независимость Америки. Пусть он вспомнит об Аврааме Линкольне, который поддерживал угнетенных и страждущих. Пусть он вспомнит о четырнадцати пунктах Вильсона, в которые и наш народ верит* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 г.).

أن يتذكر بطله جورج واشنطن الذي ناضل لاستقلال أمريكا وحريتها.

ويتذكر أبراهام لنكولن الذي وقف مع المحرومين والمعتبين.

ويتذكر وصايا ويلسون الأربع عشرة والتي يتبنّاها شعبنا إيماناً بهذه المبادئ الإنسانية العظيمة.

Как показал наш анализ, лексический повтор — часто используемое Арафатом средство воздействия. В данном примере повтор императивной фразы *пусть вспомнит* наряду с отсылкой к историческим фактам является сильным средством воздействия на аудиторию.

Агитационная стратегия убеждения также использовалась Арафатом, она представлена в его речи тактикой обещания и тактикой призыва.

Тактика обещания на речевом уровне чаще всего манифестируется формами будущего времени глаголов совершенного вида или глаголами совершенного вида в составе сложного глагольного сказуемого:

(11) *Мы обещаем душам наших невинных мучеников, массам наших палестинских арабских людей, нашей арабской нации и всем свободным и почетным людям в мире, что мы продолжим борьбу против оккупации* (из выступления Арафата 15.11.1988, Алжир).

نعاهد أرواح شهدائنا الأبرار، وجماهير شعبنا العربي الفلسطيني وأمتنا العربية وكل الأحرار والشرفاء في العالم على مواصلة النضال من أجل جلاء الاحتلال (الجزائر 1988/11/15)

Тактика призыва обычно следует после обещаний оратора и завершает его выступление:

(12) *Я хотел бы использовать предоставленную мне возможность и обратиться к американскому народу. Перед лицом данного форума я хотел бы призвать американский народ стоять на стороне нашего храброго народа и на стороне права и справедливости* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН).

أنني لانتهد هذه المناسبة لا توجه إلى الشعب الأمريكي وأخطبه من مكاني هنا أن يقف مع شعبنا الشجاع المناضل . أن يقف مع الحق والعدالة...

(13) *Я обращаюсь к Вам с призывом дать нашему народу возможность завоевания своего независимого национального престижа и возможность пребывания на собственной земле* (из выступления Ясира Арафата на Генассамблее ООН 1974 года).

أتوجه إليكم بأن تمكنوا شعبنا من إقامة سلطته الوطنية المستقلة وتأسيس كيانه الوطني على أرضه...

(14) *Я призываю Совет Безопасности ООН и „четверку“ действовать быстро,*

чтобы направить международных наблюдателей на палестинские территории, чтобы остановить кровопролитие, совершенное израильской оккупационной армией и ее поселенцами против нашего народа... (выступление Ясира Арафата 13.12.2002 в Палестине, г. Рамаллах).

أدعوا مجلس الأمن الدولي واللجنة الرباعية إلى العمل على سرعة إرسال المراقبين الدوليين للأراضي الفلسطينية لوقف حمام الدم الذي يرتكبه جيش الاحتلال ومستوطنوه ضد شعبنا... (رام الله 2002/12/13)

Широко используется в выступлениях Арафата **стратегия эмоционального воздействия**. Известно, что в ПД порой больше ценится индивидуальность стиля и яркость выражения мысли, чем ясность и политическая корректность содержания текста. Специальные речевые методы воздействия на аудиторию делятся на фигуры и тропы. И то, и другое представляет собой намеренное отклонение от стандартной речи с целью привлечь внимание слушателей и, возможно, в какой-то степени заставляет их пересмотреть свои взгляды. Среди ведущих приемов выразительности, активно используемых в выступлениях Арафата, нами замечены метафора, анафора, противопоставление, антитеза, метонимия, гипербола, риторические вопросы, эпитеты и др.

Мы уже иллюстрировали употребление анафоры ситуацией обращения и фрагментом (7). Данный прием характерен как для речи Арафата, так и для арабского дискурса в целом. С помощью анафоры может быть создан ряд дополняющих друг друга логических аргументов. Анафора подчеркивает их равную значимость и создает условия для усиления авторского мнения, что способствует постепенному убеждению слушателей. В арабской культуре считается, что чем чаще оратор использует данный прием, тем больше он хочет привлечь внимание слушателей и подчеркнуть определенный смысл; в таком случае высказывание претендует на роль истины. Проиллюстрируем сказанное еще одним интересным фрагментом из речи палестинского лидера:

(15) *Господин президент, мы живем в мире, который **стремится** к миру, справедливости, равенству и свободе. **Стремится** к тому, чтобы угнетенные народы, страдающие под игом колониализма и расизма, смогли осуществить свое право на самоопределение. **Стремится** к тому, чтобы отношения между всеми государствами строились на основе равенства, мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела, безопасности, национального суверенитета, единства и*

*независимости на основе справедливых, равноправных экономических отношений, которые учитывают взаимные интересы. Он **стремится** к тому, чтобы вся энергия концентрировалась на борьбе с нищетой, голодом, болезнями и природными катастрофами (из выступления Ясира Арафата на Генассамблее ООН 1974 года).*

سيدي الرئيس اننا نعيش في عالم يطمح للسلام والعدل والمساواة والحرية.

يطمح الى ان يرى الامم المظلومة الازاحة تحت الاستعمار الاضطهاد العنصري وهي تمارس حريتها وحققها في تقرير المصير.

يطمح الى ان يرى العلاقات الدولية بين الدول كافة تقوم على اساس المساواة والتعايش السلمي وعدم التدخل في الشؤون الداخلية وتأمين السيادة الوطنية والاستقلال على اساس العدل والتكافؤ والمنافع المتبادلة.

يطمح لان تصب الجهود الانسانية على مكافحة الفقر والمجاعة والامراض والكوارث الطبيعية وعلى تطوير القدرات الانتاجية والعلمية والتقنية للبشرية لزيادة الثروات وتضييق الفروق بين الدول النامية والدول المتطورة ولكن ذلك كله يصطدم بواقع عالمي ما زال يسوده الاضطراب والظلم والاضطهاد العنصري والاستغلال وما زال مهددا بالكوارث الاقتصادية والحروب والازمات.

В данном фрагменте используется также антитеза — прием риторического противопоставления, частотный в ораторской речи для указания аудитории на резкое противопоставление понятий, образов или состояний, которые связаны либо общей конструкцией, либо внутренним смыслом. В данном фрагменте *мир, справедливость, равенство и свобода* противопоставляются *угнетению, колониализму, расизму, нищете, голоду, болезням и природным катастрофам*. Антитеза многократно используется Арафатом для усиления воздействия на аудиторию, в том числе эмоционального. Через резкое противопоставление понятий повышается экспрессивность речи:

(16) *Это чувство... также повышает надежду народов на участие ООН в **решении вопросов мира, справедливости, свободы и независимости; и создание мира, свободного от колониализма, неоколониализма, империализма, в котором не существует расизма в какой бы то ни было форме, в том числе сионистского*** (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 года).

فقد أصبحت أكثر قدرة على تطبيق ميثاقها ومبادئ الإعلان العالمي لحقوق الإنسان ، وأكثر قدرة على نصرته وهذا ما بدأ يلمسه شعبنا وتلمسه . قضايا العدل والسلام شعوب آسيا وإفريقيا وأمريكا اللاتينية، الأمر الذي أخذ يعلي مكانة هذه المنظمة الدولية في عيون شعبنا وعيون

بقية الشعوب، ويزيد من الآمال التي تعلقها شعوب العالم على مساهمة هيئة الأمم المتحدة في نصرة قضايا السلم والعدل والحرية والاستقلال، وتشبيد عالم خالٍ من الاستعمار والإمبريالية والاستعمار الجديد والعنصرية بكافة أشكالها بما فيها الصهيونية.

Экспрессивность, как уже отмечалось, является одной из основных особенностей современного арабского дискурса, в том числе и политического. В качестве экспрессивных выступают не только лексико-фразеологические, но и грамматические средства. Наиболее употребительными грамматическими средствами ПД являются стилистические фигуры, основанные на особой эмоциональной интонации: риторический вопрос, риторическое восклицание. Риторический вопрос давно известен как средство выражения экспрессии в высказывании, которая достигается за счет асимметрии вопросительной формы и утвердительно-содержащего, что позволяет с точки зрения грамматики рассматривать подобные конструкции как вопросительные предложения во вторичной функции или даже как «псевдовопросы» [Санников 2008]. В устном публичном выступлении риторический вопрос представляет собой в первую очередь эффективное средство диалогизации монолога. А. К. Михальская с позиций риторки выделила следующие функции этой фигуры речи:

- 1) эмоциональное выделение смысловых центров выступления;
- 2) формирование эмоционально-оценочного отношения адресата к предмету речи;
- 3) представление адресату особенно важных в смысловом отношении этапов рассуждения (доказательства) [Михальская 1996: 239—242].

Арафат в своих речах многократно использует риторические вопросы, обращаясь к американскому народу и президенту, тем самым он как бы ведет диалог с ними:

(17) *Я обращаюсь к американскому народу и задаю вопрос: чем наш народ провинился перед американским? И зачем это враждебное лицо? Разве это на пользу Америки? Разве это на пользу американскому народу? Конечно, нет!* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 г.).

وأتوجه إلى الشعب الأمريكي وأتساءل ما هي...؟ الجريمة التي ارتكبتها شعبنا ضد الشعب الأمريكي لماذا هذا الوجه المعادي؟

هل هو لصالح أمريكا؟ هل هو لصالح الجماهير الأمريكية؟ حتماً لا.

(18) *Я спрашиваю себя, господин президент, почему наш народ и наша родина*

должны взять на себя ответственность за проблему переселения евреев, которая существует лишь в головах отдельных лидеров? (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 года)

وإنني أتساءل يا سيادة الرئيس، لماذا يتحمل شعبنا ووطننا مسؤولية مشكلة الهجرة اليهودية إذا كانت لا زالت مثل هذه المشكلة في مخيلة البعض؟

В речах палестинского лидера также заметна высокая частотность употребления **метафор**. И это не случайно. Как отмечают исследователи, метафора в ПД является мощным приемом убеждения и одним из основных и эффективных инструментов, с помощью которого речь становится более выразительной и ассоциативной, в связи с чем роль метафоры в политическом дискурсе значительна и неоспорима [Чудинов, Будаев 2006: 36—37], а в ситуации политических потрясений и нестабильности особенно возрастает и усиливается (см.: [Anikin, Budaev, Chudinov 2015]).

Метафора обладает способностью влиять на процесс принятия решений, а ее присутствие в тексте «позволяет ярко увидеть, образно представить себе определенное явление жизни, кидает свет на самую сущность данного явления, позволяет лучше понять, оценить, определить его» [Хохлачева <http://>]. В ПД основными функциями метафоры являются эвристическая и аргументативная [Кобозева 2001: 134—135]. Метафора способна надолго сохраняться в памяти, поскольку задействует ассоциативное мышление адресата.

Приведем некоторые примеры использования метафор Ясиром Арафатом:

(19) *Я вижу сейчас стены Иерусалима, мечети Иерусалима, церкви Иерусалима. Кровью и духом мы возвратим тебя, Палестина! Да, кровью и духом мы возвратим тебя, Палестина!* (Арафат, обращаясь к толпе в городе Тул-Карм, Палестина, 28 апреля 1997 года)

إنني أرى أسوار القدس، ومساجد القدس، وكنائس القدس. بالروح والدم نفديكي يا فلسطين، بالروح والدم نفديكي يا فلسطين.

(20) *Господин президент, сегодня я пришел сюда с оливковой ветвью в руке* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 г.).

سيدي الرئيس: لقد جئتكم اليوم بغصن الزيتون في يدي...

Пример (19) можно объяснить следующим образом: Ясир Арафат во время произнесения этой речи находился в городе Тул-Карм, который расположен далеко от Иерусалима. Наблюдая большое количество людей, собравшихся в поддержку Палестины,

политик хотел указать на то, что благодаря этим людям уверен в победе Палестины, будто бы в тот момент видел, как приближается Иерусалим — столица Палестины: видел его стены, церкви, мечети.

В двадцатом примере метафора связана с оливковой ветвью — библейским символом мира. Во время выступления на Генассамблее ООН Арафат сказал, что пришел туда с оливковой ветвью. Тем самым он хотел обратить внимание на то, что его намерения исключительно мирные.

Анализируя речи Ясира Арафата, стоит упомянуть о знаменитой фразе, сказанной им на Генассамблее ООН в конце выступления, где снова озвучивается та же метафора:

(21) *Я пришел к вам с оливковой ветвью в одной руке и оружием борца за свободу в другой. Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки! Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки! Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки!* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 года).

بيدي جنتكم يا سيادة الرئيس حاملا غصن الزيتون
وبندقية الثائر بيدي الأخرى, فلا تسقطوا الغصن
تسقطوا الغصن الأخضر من الأخضر من يدي ... لا
يدي ... لا تسقطوا الغصن الأخضر من يدي.

В данной фразе палестинский лидер использует агитационную стратегию убеждения, а именно тактику призыва. Он призывает всемирную организацию исполнить свои обязанности применительно к палестино-израильскому конфликту. Способом реализации данной тактики являются различные стилистические средства. Сначала выступающий использует две метафоры: *оливковая ветвь* (символ мира) и *оружие борца* за

свободу (символ силы и борьбы). Таким образом он показывает, с одной стороны, свои намерения мирно решить конфликт, с другой — готовность к вооруженной борьбе. Обе метафоры вместе образуют противопоставление «война и мир». Далее Арафат просит поддержать первое решение (мирно решить конфликт): *Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки!* Императив с отрицанием выражает обычно запрет, однако он может использоваться и для передачи других прагматических смыслов. Здесь, на наш взгляд, выражается желание: палестинский лидер не приказывает, а просит поддержать его первое решение. Однако он произносит эту фразу трижды, что придает ей иное прагматическое значение — угрозы и предупреждения.

Во время произнесения данной фразы, как показывает фотография (см. фото), у Арафата поднят и немного наклонен вперед указательный палец. Данный жест в арабской культуре означает угрозу. Таким образом, для передачи своего коммуникативного намерения он использует как вербальные, так и невербальные средства коммуникации, что производит ожидаемый эффект. Слова Арафата вызвали бурные аплодисменты делегатов, присутствовавших в зале Генассамблеи. Через полминуты он знаком просит прекратить аплодисменты, чтобы произнести запланированную заключительную фразу:

(22) *Господин президент! Из Палестины исходит пламя войны, и в Палестине же возьмет свое начало мир* (из выступления Арафата на Генассамблее ООН 1974 г.).

....سيادة الرئيس

الحرب تتدلع من فلسطين والسلام يبدأ من فلسطين

Фото. Ясир Арафат выступает на Генассамблее ООН, 1974

Прежде чем произнести заключительную фразу, председатель ООП обращается к председателю Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы обратить его внимание на то, что будет сказано далее. Это объясняет важность последней фразы. Говоря о том, что в Палестине началась война и там же она закончится, оратор подчеркивает историческую и географическую важность этого места, показывая, что если разрешится этот конфликт, то будут решены и другие проблемы в мире.

На стилистическом уровне мы можем заметить, что здесь опять используется противопоставление, повышающее эмоциональность высказывания. В связи с этим выбор глагола تتدلّع «**вспыхнуть, вспылить, полыхать, вспыхивать**» в последней фразе не случаен. Здесь можно было использовать глагол بدأ «**начаться, начинаться**», но Арафат выбирает глагол «вспыхивать», который в арабском языке имеет негативные ассоциации, такие как **опасность, война, пожар, огонь**. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что говорящий хочет предупредить о последствиях войны.

Благодаря своему красноречию политическому лидеру удалось убедить Генеральную Ассамблею ООН в том, что ООП представляет интересы Палестины.

4. Заключение

Наше исследование подтвердило мнение ученых о необходимости интегративного мультимодального подхода к анализу политического дискурса [Шейгал 2004; Ponton 2016 и др.] с учетом социокультурного контекста, который играет важную роль в его формировании.

На основе проведенного анализа выступлений палестинского лидера Ясира Арафата нами были выделены часто употребляемые им речевые приемы воздействия на аудиторию с целью ее убеждения в принятии правильного, с точки зрения оратора, решения. Проведенный анализ показал, что убеждающие аргументы могут быть обращены к разным сторонам человеческой личности: они могут воздействовать как на сознание, так и на эмоции адресата. В одном фрагменте часто наблюдается комбинация нескольких тактик, для реализации которых используются различные речевые приемы и средства (вербальные, невербальные и паравербальные), совокупность которых формирует черты дискурса.

Среди основных характеристик речей Арафата мы в первую очередь выделили обилие лексических повторов, экспрессивность, эмоциональность, метафоричность,

мультимодальность, обращение к исламским культурным ценностям.

Особенностью арабского ПД, которая проявилась и в выступлениях Арафата, является использование цитат из аятов Корана, Сунны и хадисов, что увеличивает эмоциональное воздействие на аудиторию. Наряду с разнообразными экспрессивными средствами это оказывает скрытое воздействия на сознание адресата, что позволяет нам сделать вывод о том, что убеждение в арабском ПД часто превращается в манипуляцию.

Хотя на основе анализа выступлений одной личности можно говорить лишь о чертах идиостиля, анализ существующих исследований арабского ПД, а также собственные наблюдения позволяют предположить, что выявленные особенности речи Ясира Арафата характерны для арабского ПД в целом, хотя для более объективных выводов необходимы дальнейшие исследования.

ИСТОЧНИКИ

1. Речь Ясира Арафата в ГА ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://info.wafa.ps/atemplate.aspx?id=4932>.
2. Выступление Ясира Арафата в ГА ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fAqlcfKEfE&t=1522s>.
3. Выступление Ясира Арафата в городе Туль-карм, Палестина [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=K_E-zpLEXx4&t=21s.
4. Выступление Ясира Арафата в Алжире [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v76rzK7aiKI&t=4s>.

ЛИТЕРАТУРА

5. Алышева Ю. С. Речевой портрет В. В. Путина // Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 171—174.
6. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. 2005. № 15. С. 5—32.
7. Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 161—178.
8. Гаврилова М. В. Лингвистический анализ политического дискурса. 2002. URL: <http://www.polytanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k>.
9. Горностаева А. А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2016. № 1. С. 57—77.
10. Горностаева А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2014. № 3. С. 64—74.
11. Иванова С. В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017 № 1. С. 141—160.
12. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 2001. № 6. С. 134—135.
13. Крачковский И. Ю. (переводчик). Коран. — М.: Феникс, 2015. 544 с.
14. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
15. Ларина Т. В., Озюменко В. И. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации. = Ethnic identity in language and communication // Cuadernos de Rusística Española. 2016. № 12. С. 57—68.
16. Липко Ю. Г., Антипова И. А. Языковая личность Барака Обамы: взлет политической карьеры // Изв. Иркут. гос. эконо. акад. 2014. № 2. С. 186—190.

17. Ли Сыци. Сила речи Си Цзиньпина // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 105—110.
18. Михальская А. К. Основы риторики: мысль и слово. — М., 1996.
19. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203—220.
20. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. д-ра филол. наук : 10.02.01. — Саратов, 2005. 325 с. РГБ ОД, 71:06-10/45.
21. Рябова Т. Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. VIII. Вып. 4 (32). С. 307—320.
22. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ : моногр. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2012.
23. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. — М., 2008.
24. Сафина Р. А., Чернова Я. Р. Стратегии речевого воздействия в предвыборных выступлениях австрийских политиков // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 147—151.
25. Стеклова Т. И. Вариативность жанровой интерпретации в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 28—35.
26. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. — Воронеж, 2001.
27. Хохлачева И. В. Политическая метафора как один из способов языковой манипуляции (на основе материалов политических партий в период предвыборной кампании) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-411/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-411/10715-411-0365>.
28. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003.
29. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Метафора в политическом интердискурсе : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. 215 с.
30. Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 2001.
31. Шевченко А. Ю. Дискурсивный анализ материалов массовой коммуникации // Теория коммуникации и прикладная коммуникация : вестн. Рос. коммуникативной ассоциации. — Ростов н/Д : ИУБиП, 2002. Вып. 1. С. 185—192.
32. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.
33. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication // Вопросы когнитивной лингвистики = Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2015. № 3 (44). С. 26—32.
34. Chudinov A., Solopova O. Linguistic political prognostics: models and scenarios of future // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 200. P. 412—417.
35. Dubrovskaya T., Sowińska A. Construction of 'strength' and 'weakness' in Russian and Polish foreign policy discourse // Russian Journ. of Linguistics. 2018. № 2 (22) (in press).
36. El-Zawawy Amr M. Towards a New Linguistic Model for Detecting Political Lies // Russian Journ. of Linguistics. № 21 (1). P. 183—202.
37. Gornostaeva A. American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016 // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 4 (20). P. 179—196.
38. Hall K., Goldstein D. M., Ingram M. B. The hands of Donald Trump: Entertainment, gesture, spectacle // HAU : Journ. of Ethnographic Theory. 2016. № 6 (2). P. 71—100.
39. Lahlali M. The Arab Spring and the discourse of desperation: shifting from an authoritarian discourse to a "democratic one" // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2011. Iss. 13.
40. Lahlali M. The Discourse of Egyptian Slogans: from "Long Live Sir" to "Down with the Dictator" // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2014. Iss. 19.
41. Lahlali M. Repetition and Ideology in Nasrallah's Political Speeches // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2012. Iss. 15.
42. Larina T. V., Ozyumenko V. I., Kurteš S. I-identity vs we-identity in language and discourse // Anglo-Slavonic perspectives Lodz Papers in Pragmatics. 2017. Vol. 13. Iss. 1. P. 109—128.
43. Lauerbach G. E., Fetzer A. Political discourse in the media: cross-cultural perspectives // Political Discourse in the Media / A. Fetzer, G. E. Lauerbach (eds.). — Amsterdam : John Benjamins, 2007. P. 3—28.
44. Mirzaei A., Eslami Z. R., Safari F. Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: a Discourse of Persuasion // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 161—182.
45. Ozyumenko V., Larina T. From manipulation to aggression: analysis of media discourse in the situation of information confrontation // SGEM2017 Conference Proceedings. 2017. Book 3, Vol. 2. P. 737—744. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/32/S14.095.
46. Ponton D. Movement and meaning: towards an integrated approach to political discourse analysis // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 122—139.
47. Ryshina-Pankova M., Quam J. "Let Me Tell You...": Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches Of Trump, Clinton, and Sanders // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 140—160.
48. Sowińska A. A Critical Search for Values in George W. Bush's State of the Union Addresses. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2015.

Humam A. R. Musleh
Palestine

STRATEGY OF PERSUASION IN THE SPEECHES OF PALESTINIAN LEADER YASSER ARAFAT

ABSTRACT. *The knowledge of ethno-cultural features of political discourse is of particular importance in consideration of aggravated international relations and political instability as it enables participants of negotiations to understand intentions of each other and enables them to make adequate political decisions. This paper focuses on the Arabic political discourse which represents directed activities including persuasion by the state, its representatives and the impact that this discourse has on the mass recipient. Due to the fact that the Arabic language has many dialects, we are confined to modern standard Arabic. The purpose of this study is to identify cultural specific means of persuasion strategy in the Arabic political discourse. The data for the analysis were obtained from the speeches of the Palestinian leader Yasser Arafat, who can be classified as one of the powerful politicians of the world. The choice of this topic is caused by the increasing role of the public, including oral communication, and the necessity of the analysis of the forms, tasks and content of the discourse used in specific political communication and political situation. The paper further examines stylistic means of persuasion used by the Palestinian leader. The analysis of existing studies of the Arabic political discourse as well as our own observations suggest that features of Arafat's speeches are typical for the Arabic political discourse in general, although for more objective conclusions further research is needed.*

KEYWORDS: Arabic; political discourse; strategies of persuasion; stylistic devices; multimodality; manipulation; political rhetoric; linguistic persona; political leaders.

ABOUT THE AUTHOR: Humam A. R. Musleh, Faculty of Philology, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

REFERENCES

1. Rech' Yasira Arafata v GA OON [Elektronnyy resurs]. URL: <http://info.wafa.ps/atemplate.aspx?id=4932>.
2. Vystuplenie Yasira Arafata v GA OON [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fAqlcftKEfE&t=1522s>.
3. vystuplenie Yasira Arafata v gorode Tul'-karm, Palestina [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=K_E-zpLEXx4&t=21s.
4. Vystuplenie Yasira Arafata v Alzhire [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v76rzK7aiKI&t=4s>.
5. Alysheva Yu. S. Rechevoy portret V. V. Putina // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2. Yazykoznanie. 2012. № 2 (16). S. 171—174.
6. Bazylev V. N. Politicheskii diskurs v Rossii // Politicheskaya lingvistika. 2005. № 15. S. 5—32.
7. Volkova Ya. A., Panchenko N. N. Destruktivnost' v politicheskom diskurse // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2016. T. 20. № 4. S. 161—178.
8. Gavrilova M. V. Lingvisticheskii analiz politicheskogo diskursa. 2002. URL: <http://www.polyanalysis.narod.ru/gavrilova3.html-60k>.
9. Gornostaeva A. A. Vestn. RUDN. Ser.: Lingvistika. 2016. T. 20. № 4. S. 179—196.
10. Gornostaeva A. A. Ironiya v politicheskom diskurse: agresiya ili razvlechenie? // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2014. № 3. C. 64—74.
11. Ivanova S. V. Aktovaya rech' kak gibridnaya polidiskursivnaya praktika // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2017 № 1. S. 141—160.
12. Kobozeva I. M. Semanticheskie problemy analiza politicheskoy metafory // Vestn. MGU. Ser. 9, Filologiya. 2001. № 6. S. 134—135.
13. Krachkovskiy I. Yu. (perevodchik). Koran. — M.: Feniks, 2015. 544 s.
14. Larina T. V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy. — M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. 512 s.
15. Larina T. V., Ozyumenko V. I. Etnicheskaya identichnost' i ee proyavlenie v yazyke i kommunikatsii. = Ethnic identity in language and communication // Cuadernos de Rusística Española. 2016. № 12. S. 57—68.
16. Lipko Yu. G., Antip'eva I. A. Yazykovaya lichnost' Baraka Obamy: vzlet politicheskoy kar'ery // Izv. Irkut. gos. ekonom. akad. 2014. № 2. C. 186—190.
17. Li Sytsi. Sila rechi Si Tszin'pina // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 105—110.
18. Mikhalskaya A. K. Osnovy ritoriki: mysl' i slovo. — M., 1996.
19. Ozyumenko V. I. Mediyinyy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii — k agressii // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika. 2017. T. 21. № 1. S. 203—220.
20. Parshina O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii : dis. d-ra filol. nauk : 10.02.01. — Saratov, 2005. 325 s. RGB OD, 71:06-10/45.
21. Ryabova T. B. Politicheskii diskurs kak resurs «sozdaniya gendera» v sovremennoy Rossii // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2006. T. VIII. Vyp. 4 (32). S. 307—320.
22. Saduov R. T. Fenomen politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy: lingvokul'turologicheskii i semioticheskii analiz : monogr. — Ufa: RITs BashGU, 2012.
23. Sannikov V. Z. Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. — M., 2008.
24. Safina R. A., Chernova Ya. R. Strategii rechevogo vozdeystviya v predvybornykh vystupleniyakh avstriyskikh politikov // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 147—151.
25. Steksova T. I. Variativnost' zhanrovoy interpretatsii v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 4 (64). S. 28—35.
26. Sterin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdeystvie. — Voronezh, 2001.
27. Khokhlacheva I. V. Politicheskaya metafora kak odin iz sposobov yazykovoy manipulyatsii (na osnove materialov politicheskikh partiy v period predvybornoy kampanii) [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-411/linguistics-and-foreign-languages-in-the-world-today-411/10715-411-0365>.
28. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003.
29. Chudinov A. P., Budaev E. V. Metafora v politicheskom interdiskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2006. 215 s.
30. Shagal' V. E. Arabskiy mir: puti poznaniya. Mezhtkul'turnaya kommunikatsiya i arabskiy yazyk. — M.: In-t vostokovedeniya RAN, 2001.
31. Shevchenko A. Yu. Diskursivnyy analiz materialov massovoy kommunikatsii // Teoriya kommunikatsii i prikladnaya kommunikatsiya : vestn. Ros. kommunikativnoy assotsiatsii. — Rostov n/D : IUBiP, 2002. Vyp. 1. C. 185—192.
32. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M.: Gnozis, 2004.
33. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication // Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2015. № 3 (44). S. 26—32.
34. Chudinov A., Solopova O. Linguistic political prognostics: models and scenarios of future // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. T. 200. P. 412—417.
35. Dubrovskaya T., Sowińska A. Construction of 'strength' and 'weakness' in Russian and Polish foreign policy discourse // Russian Journ. of Linguistics. 2018. № 2 (22) (in press).
36. El-Zawawy Amr M. Towards a New Linguistic Model for Detecting Political Lies // Russian Journ. of Linguistics. № 21 (1). P. 183—202.
37. Gornostaeva A. American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016 // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 4 (20). P. 179—196.
38. Hall K., Goldstein D. M., Ingram M. B. The hands of Donald Trump: Entertainment, gesture, spectacle // HAU : Journ. of Ethnographic Theory. 2016. № 6 (2). P. 71—100.
39. Lahlali M. The Arab Spring and the discourse of desperation: shifting from an authoritarian discourse to a "democratic one" // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2011. Iss. 13.
40. Lahlali M. The Discourse of Egyptian Slogans: from "Long Live Sir" to "Down with the Dictator" // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2014. Iss. 19.
41. Lahlali M. Repetition and Ideology in Nasrallah's Political Speeches // The Journ. of Arab Media and Society. — Cairo : American Univ. in Cairo, Fall 2012. Iss. 15.
42. Larina T. V., Ozyumenko V. I., Kurteš S. I-identity vs we-identity in language and discourse // Anglo-Slavonic perspectives Lodz Papers in Pragmatics. 2017. Vol. 13. Iss. 1. P. 109—128.
43. Lauerbach G. E., Fetzer A. Political discourse in the media: cross-cultural perspectives // Political Discourse in the Media / A. Fetzer, G. E. Lauerbach (eds.). — Amsterdam : John Benjamins, 2007. P. 3—28.
44. Mirzaei A., Eslami Z. R., Safari F. Exploring Rhetorical-Discursive Practices of Rouhani's Presidential Campaign and Victory of his Prudence-and-Hope Key: a Discourse of Persuasion // Russian Journ. of Linguistics. 2017. № 21 (1). P. 161—182.
45. Ozyumenko V., Larina T. From manipulation to aggression: analysis of media discourse in the situation of information confrontation // SGEM2017 Conference Proceedings. 2017. Book 3, Vol. 2. P. 737—744. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/32/S14.095.
46. Ponton D. Movement and meaning: towards an integrated approach to political discourse analysis // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 122—139.
47. Ryshina-Pankova M., Quam J. "Let Me Tell You...": Audience Engagement Strategies in the Campaign Speeches of Trump, Clinton, and Sanders // Russian Journ. of Linguistics. 2016. № 20 (4). P. 140—160.
48. Sowińska A. A Critical Search for Values in George W. Bush's State of the Union Addresses. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2015.